

Даниэла СТИЛ

РОМАН О СЕМЕЙНЫХ ТАЙНАХ

ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ

Великолепная Даниэла Стил

Даниэла Стил
Повороты судьбы

«ЭКСМО»

2001

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Стил Д.

Повороты судьбы / Д. Стил — «Эксмо», 2001 — (Великолепная Даниэла Стил)

ISBN 978-5-699-96868-8

У Мари-Анж было все, о чем многие лишь мечтают: беззаботное детство, любящая семья, роскошный дом. Ей исполнилось всего одиннадцать, когда трагическая авария навсегда изменила ее идеальную жизнь. Маленькая, беззащитная девочка оказалась отрезанной от всего, что она знала и любила. Даже спустя многие годы Мари-Анж мечтает вернуться на родину, в милый сердцу замок Мармутон, и готова выдержать любые испытания ради этого. В борьбе за свое счастье девушке придется столкнуться с таинственными семейными интригами и странными загадками, которые могут оказаться смертельно опасными не только для самой Мари-Анж, но и для тех, кто ей дорог.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-96868-8

© Стил Д., 2001

© Эксмо, 2001

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Даниэла Стил

Повороты судьбы

© Денякина Е., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Глава 1

Солнечным августовским утром Мари-Анж Хокинс лежала в высокой траве под раскидистым старым деревом, слушая пение птиц, и смотрела в небо, по которому плыли пушистые белые облака. В теплом воздухе, пахнущем цветами, монотонно жужжали пчелы. Все одиннадцать лет своей жизни Мари-Анж прожила в замке Мармутон, в уютном, безопасном мире, со всех сторон окруженная любовью и заботой. Ей нравилось приходить на эту поляну с полными карманами яблок из сада; больше всего она любила гулять далеко от дома, в одиночестве бродить по лесу, как молодая лань, и ходить по щиколотку в воде по лесному ручью. Ниже по его течению находилась старая ферма со скотным двором, коровами и лошадьми. Завидев Мари-Анж, работники улыбались и приветливо махали ей.

Гуляла ли она по лесу, заходила ли в сад, чтобы нарвать яблоки или персики, Мари-Анж почти всегда была босиком. Мать иногда бранила ее: «Ты похожа на цыганку!», но при этом всегда улыбалась. Франсуаза Хокинс обожала своих детей.

Робер, старший брат Мари-Анж, родился вскоре после войны, через одиннадцать месяцев после того, как Франсуаза вышла замуж за Джона Хокинса. Тогда же Джон и основал свой бизнес – занялся экспортом вина. Дела шли хорошо, и за пять лет он сколотил внушительный капитал. Когда родилась Мари-Анж, родители купили замок Мармутон, в котором она и выросла. Мари-Анж ходила в местную школу в ближайшем поселке, а потом в тот же лицей, где учился ее брат. В сентябре Робер уедет в Париж изучать экономику в Сорбонне. Впоследствии он собирался работать в отцовской фирме. Бизнес настолько быстро развивался, что Джон и сам удивлялся, насколько успешной оказалась его затея. Франсуаза очень гордилась мужем, впрочем, она гордилась им всегда. История их любви была удивительной и очень романтической.

В конце войны Джон Хокинс, американский солдат, был заброшен со своим полком во Францию, но, прыгая с парашютом, он неудачно приземлился на дерево и сломал ногу. Это произошло недалеко от фермы родителей Франсуазы. Главы семейства тогда не было дома, он ушел на сходку бойцов Сопротивления и вернулся только поздно ночью. Франсуаза и ее мать подобрали пострадавшего солдата и спрятали на чердаке. Рослый, обаятельный американец, светловолосый и голубоглазый, как многие жители Среднего Запада, поразил воображение шестнадцатилетней Франсуазы. Джон тоже, как и она, вырос на ферме и был лишь на четыре года старше девушки. Ее мать зорко следила за молодыми людьми, опасаясь, что дочь влюбится и наделает глупостей, но американец оказался порядочным парнем. Она учила его французскому языку, он ее – английскому. Боясь даже зажечь свечу, чтобы не привлечь внимание немцев, они сидели по ночам на чердаке, разговаривая шепотом. Джон пробыл на ферме четыре месяца, а затем отец Франсуазы и его друзья из Сопротивления тайно переправили его к американцам. Молодые люди очень привязались друг к другу. Франсуазе не хотелось расставаться со своим любимым. Джон обещал вернуться, и она ему поверила.

В последние дни фашистской оккупации, когда до освобождения Франции оставалось совсем немного, родители Франсуазы погибли и девушку отправили к родственникам в Париж. В этой суматохе адрес Джона куда-то затерялся, и Франсуаза не знала, где искать своего любимого. Ей, конечно, и в голову не могло прийти, что он в это время был в Париже и участвовал в его освобождении. Лишь много позже они узнали, что все это время были близко друг от друга.

Так и не увидевшись с Франсуазой, Джон вернулся в Америку, на ферму родителей в штате Айова. По возвращении он узнал, что отец его погиб на Гуаме. Будучи старшим в семье, он должен был заботиться обо всех – матери, сестрах и братьях. Вскоре Джон написал Франсуазе письмо, потом писал еще и еще, но ответа не получал. Впрочем, и письма его обратно не возвращались. Прошло два года, и он смог накопить денег на поездку во Францию, чтобы

искать Франсуазу. Но когда он приехал на ее ферму, оказалось, что ферма продана. От соседей Джон узнал, что родители Франсуазы погибли, а сама она уехала в Париж.

Туда Джон и отправился на ее поиски. Он обращался в полицию, в Красный Крест, искал ее среди студентов Сорбонны, во всех местных школах, и все безрезультатно. А потом произошло чудо. За день до возвращения в Америку, сидя в небольшом кафе на левом берегу Сены, Джон вдруг увидел Франсуазу. Она медленно брела по улице под дождем, понуриив голову. Сначала Джон подумал, как эта девушка похожа на его Франсуазу, но, присмотревшись повнимательнее, он ее узнал, вскочил и устремился за ней. Увидев его, Франсуаза бросилась ему на шею и расплакалась.

Этот вечер они провели вместе в доме ее двоюродной сестры, а утром Джон опять уехал в Штаты. Весь следующий год они переписывались, а потом Джон снова вернулся в Париж, и на этот раз насовсем. Франсуазе тогда было девятнадцать, а ему двадцать три. Через две недели после его возвращения они поженились. С тех пор они больше не расставались и прожили вместе девятнадцать лет. После рождения Робера Хокинсы уехали из Парижа. Джон признался, что по-настоящему чувствует себя дома не в Айове на своей ферме, а во Франции. Рассказывая друзьям свою историю, супруги обычно с улыбкой говорили, что это – судьба. Мари-Анж слышала эту историю много раз и всегда находила ее очень романтичной.

С родственниками отца Мари-Анж не была знакома. Родители и оба брата ее отца умерли еще до ее рождения, через несколько лет умерла его младшая сестра, а старшая погибла в автокатастрофе, когда Мари-Анж не было и года. Из всех родственников у Джона осталась только тетка, сестра его отца, но их отношения нельзя было назвать родственными. Мари-Анж чувствовала, что отец ее недолюбливает. Никто из его родных никогда не приезжал в Мармутон. Джон не раз говорил, что когда он уезжал во Францию к своей любимой, никто из родных не поддержал его, сочтя чуть ли не сумасшедшим. У Франсуазы родных братьев и сестер не было, а двоюродные брат и сестра тоже погибли в автокатастрофе в то время, когда Мари-Анж было три года. Таким образом, единственными ее родственниками были родители, брат Робер да еще двоюродная бабушка из далекой Айовы, о которой она знала лишь то, что отец ее не любит и не поддерживает с ней никаких отношений. Однажды он отозвался о ней как о злобной и мелочной старухе, но Мари-Анж была тогда слишком мала, чтобы понять, что это означает. Однако девочка не испытывала недостатка в родственниках: ее жизнь была полной, а окружающие, даже Робер, который любил ее поддразнивать, относились к ней как к любимому и желанному ребенку, дару небес. Даже ее имя означало «ангел».

Мари-Анж знала, что будет скучать по брату, но мама уже пообещала, что будет возить ее в Париж навещать Робера. Джону иногда приходилось бывать в Париже по делам, и они с Франсуазой с удовольствием отправлялись туда вместе, останавливаясь на одну или две ночи в отеле. Обычно в таких случаях они оставляли Мари-Анж с Софи, пожилой экономкой, которая работала у них еще с тех времен, когда Робер был маленьким. Софи переехала вместе с ними в Мармутон и поселилась в маленьком домике рядом с хозяйским домом. Мари-Анж любила ходить в гости к Софи, которая обычно угощала ее чаем с печеньем.

Словом, жизнь Мари-Анж была прекрасной во всех отношениях. У нее было именно такое детство, о котором мечтают многие. Она жила в старинном замке, как маленькая принцесса, и при этом у нее были и свобода, и любовь близких, и она чувствовала, что ее безмятежности ничто не угрожает. А когда мать наряжала ее в красивое платье, привезенное из Парижа, она выглядела как настоящая принцесса, во всяком случае, так говорил ее отец. Однако когда Мари-Анж бегала босиком по полям и лесам в платьях, превратившихся после лазания по деревьям в лохмотья, он говорил, что она похожа на оборванку.

– Ну, малышка, какое озорство ты затеваешь сегодня? – спросил Робер, разыскав ее, чтобы позвать на ленч.

Софи была слишком стара, чтобы гоняться за ней, поэтому Франсуаза обычно посылала за девочкой брата. К тому же Робер знал все ее любимые тропки и укромные места.

– Никакого.

Она улыбнулась. Ее лицо было перемазано персиками, карманы битком набиты персиковыми косточками. И Робер, и Мари-Анж – оба пошли в отца: высокие, светловолосые, красивые. Золотые кудряшки и голубые глаза действительно придавали облику Мари-Анж нечто ангельское. Из всей семьи только у Франсуазы были темные волосы и карие глаза, и Джон не раз сожалел о том, что у них нет еще одного ребенка, который походил бы на жену. Но Мари-Анж все-таки унаследовала кое-что и от матери: ее веселый, озорной нрав.

– Мама велела тебе идти домой завтракать, – сказал Робер, подгоняя сестру домой, как овечку, отбившуюся от стада. Роберу, конечно, не хотелось признаваться сестре в том, что он будет очень скучать по ней в Париже. Ведь его сестренка повсюду ходила за ним как тень, с тех пор как научилась ходить.

– Я не проголодалась, – ответила девочка.

– Еще бы, ты ведь все время ешь, – усмехнулся он. – Как у тебя еще живот не разболелся от такого количества персиков?

– Софи говорит, что они полезные.

– Ленч тебе тоже не повредит. Пошли, скоро вернется папа. Тебе нужно еще умыться и обуться.

Он взял ее за руку, и она пошла за ним к дому, вернее, не пошла, а поскакала, дурачась и бегая вокруг него, как щенок на поводке.

Увидев, на что похожа ее дочь, Франсуаза вздохнула.

– Мари-Анж, – сказала она по-французски (лишь Джон разговаривал с Мари-Анж по-английски, но девочка удивительно хорошо освоила язык, хотя и говорила с акцентом), – утром ты надела новое платье, и посмотри, во что оно превратилось! В лохмотья!

Франсуаза округлила глаза от притворного ужаса. Она никогда по-настоящему не сердилась на дочь – шалости девочки ее забавляли.

– Нет, мама, порвался только передник, – Мари-Анж виновато улыбнулась, – а платье не порвалось.

– Что ж, и на том спасибо. А теперь пойдешь умойся и обуйся, Софи тебе поможет.

Из кухни вышла пожилая женщина в потертом черном платье и чистом фартуке и стала подниматься вслед за Мари-Анж по лестнице. Софи уже не могла подняться на верхний этаж так же легко, как раньше, но ради своей «малышки» готова была идти хоть на край света. За Робером она ухаживала с самого его рождения, а когда через семь лет родилась Мари-Анж, для нее, одновременно и экономки, и няньки, это было счастливым сюрпризом. Софи любила семью Хокинсов, как своих родных. У нее была дочь, но та жила в Нормандии, и они редко виделись. Софи, наверное, никогда бы в этом не призналась, но дети Хокинсов стали ей гораздо ближе и дороже, чем родная дочь. Софи тоже горевала, что Робер вынужден будет ради учебы покинуть дом, но понимала, что для мальчика так будет лучше, и надеялась, что они скоро увидятся, когда он приедет домой на каникулы.

Поначалу отец хотел, чтобы Робер учился в Штатах, но Франсуазе эта мысль не понравилась, да и сын признался, что не хочет уезжать от них так далеко. Все члены семьи Хокинсов были очень привязаны друг к другу, к тому же у Робера здесь оставалось много друзей, и Париж казался ему краем света.

Когда Мари-Анж, умывшись и переодевшись, спустилась вниз, отец сидел за столом. Мать только что налила два бокала вина: побольше – для мужа, поменьше – для сына. Вино в доме подавалось к каждой еде, иногда и Мари-Анж добавляли немного вина в стакан с водой. Джон очень легко и быстро перенял французский стиль жизни. С деловыми партнерами он

общался на французском языке, но с детьми говорил по-английски, чтобы они знали его родной язык. Робер говорил на нем лучше, чем Мари-Анж.

За ленчем Джон с сыном разговаривали о делах, Франсуаза пересказывала местные новости, одновременно следя за тем, чтобы Мари-Анж ела аккуратно. Несмотря на то что девочке позволялось бегать по полям и лесам, ее воспитанием занимались серьезно, и у нее были очень хорошие манеры – конечно, когда она о них не забывала.

– А ты, малышка, чем занималась сегодня? – спросил отец, взъерошивая рукой ее волосы.

Франсуаза налила мужу крепкий черный кофе.

– Папа, она обчищала твой сад, – со смехом ответил за сестру Робер.

Мари-Анж посмотрела сначала на отца, потом на брата.

– Робер говорит, что у меня заболит живот от персиков, а он вовсе не болит, – гордо сообщила девочка и добавила тоном королевы, сообщающей подданным о планах своих визитов: – Позже я собираюсь побывать на ферме.

Абсолютно все, с кем Мари-Анж доводилось общаться, считали ее очаровательной, ей же, в свою очередь, еще не приходилось иметь дело с людьми, которые бы ей не нравились. Особенно ее любил брат. Видимо, большая разница в возрасте способствовала их хорошим отношениям и не развила у него чувство ревности.

– Ты знаешь, что тебе скоро в школу? – напомнил отец. – Каникулы кончаются.

Мари-Анж нахмурилась. Приближение учебного года означало, что брат скоро уедет. Хотя Робер с радостью ожидал начала студенческой жизни в столице, и он, и родители сознавали, что разлуку с сестрой он будет тяжело переживать.

Родители сняли Роберу небольшую квартирку на левом берегу Сены. Перед началом занятий Франсуаза сама собиралась отправиться в Париж, чтобы помочь сыну устроиться на новом месте. Она уже отправила туда некоторую мебель и сундуки с вещами.

В день отъезда брата Мари-Анж встала с рассветом и убежала в сад. Там Робер ее и обнаружил.

– Разве ты не собираешься позавтракать со мной перед отъездом?

Сестра хмуро посмотрела на него и молча замотала головой. По ее покрасневшим глазам было легко догадаться, что она плакала.

– Я не хочу.

– Мари-Анж, не можешь же ты просидеть тут целый день, пойдем со мной, выпьем вместе кофе с молоком.

Ей не разрешалось пить кофе, но брат иногда давал ей глотнуть из своей чашки. Больше всего ей нравилось делать «гусики», макая кусочки сахара в его кофе, пока они не намокнут. После этого Мари-Анж быстро, чтобы никто не увидел, клала их в рот, и на ее личике появлялось выражение блаженства.

Ее глаза снова наполнились слезами. Робер взял сестру за руку и мягко потянул в сторону дома.

– Я не хочу, чтобы ты уезжал, – пробурчала Мари-Анж.

– Я уезжаю ненадолго, скоро праздник – День Всех Святых, и я приеду домой.

В расписании занятий, которое Роберу прислали из Сорбонны, это были первые небольшие каникулы, но два месяца, отделяющие их от начала учебного года, казались его младшей сестре чуть ли не вечностью.

– Мари-Анж, ты даже не успеешь по мне соскучиться, с тобой остаются мама, папа и Софи, школьные друзья тоже куда-то денутся, тебе будет с кем играть.

– Зачем тебе вообще ехать в эту дурацкую Сорбонну? – снова захныкала девочка.

Она стала тереть глаза руками, размазывая грязь по щекам, и Робер невольно улыбнулся. С чумазым личиком Мари-Анж походила на уличного сорванца. «Какая же все-таки Мари-

Анж милая, – подумал он. – Ее так все любят, так балуют, она действительно всеобщая любимица».

– Мари-Анж, я должен получить образование, чтобы помогать папе. Когда-нибудь ты вырастешь и тоже уедешь в Сорбонну, если, конечно, не собираешься всю жизнь только и делать, что лазать по деревьям. Кажется, ты бы не отказалась.

Девочка улыбнулась сквозь слезы и села за стол рядом с братом.

Франсуаза вышла к завтраку в элегантном темно-синем костюме, купленном в прошлом году в Париже. Джон был в серых слаксах, блейзере и темно-синем галстуке от Эрме, который ему купила Франсуаза. Они составляли на редкость красивую пару. В свои тридцать восемь Франсуаза с ее девичьей фигуркой и милым лицом, почти не тронутым морщинами, выглядела лет на десять моложе. Джону казалось, что она совсем не изменилась с тех пор, как они познакомились. Да и он оставался все таким же привлекательным блондином, как в ту ночь, когда приземлился на дерево неподалеку от дома ее родителей.

Франсуаза повернулась к дочери:

– Пообещай, что будешь слушаться Софи, пока мы будем в отъезде.

Робер тайком передал сестре кусочек сахара, пропитанный кофе, она быстро сунула его в рот и с благодарностью посмотрела на него.

– Не убегай далеко, помни, что Софи не может за тобой гоняться.

Через два дня у Мари-Анж начинались занятия в школе.

– Мы с папой вернемся в выходные.

Но без Робера. Ей это казалось трагедией.

– Я буду тебе звонить из Парижа, – пообещал Робер.

– Каждый день?

Она посмотрела на брата широко раскрытыми голубыми глазами, так похожими на глаза отца.

– Так часто, как только смогу, я же буду ходить на занятия.

Он обнял сестру, поцеловал в обе щеки и вместе с родителями пошел к машине. Каждый нес в руке по небольшому чемоданчику. Перед тем как закрыть дверь, Робер сунул в руку Мари-Анж маленький сверток:

– Это тебе.

Машина тронулась с места. Мари-Анж и Софи стояли рядом, махали вслед машине и обе плакали. Позже, вернувшись в кухню, Мари-Анж развернула крошечный сверток и увидела маленький золотой медальон с фотографией Робера. На снимке, сделанном в прошлое Рождество, Робер улыбался. В другую половинку медальона была вставлена фотография их родителей, сделанная в тот же день. Софи помогла девочке надеть медальон на шею и застегнула тонкую золотую цепочку.

– Очень милый подарок. Робер молодец, – сказала Софи, вытирая глаза платком.

Она принялась убирать со стола, а Мари-Анж пошла полюбоваться на себя в зеркало. Медальон был красивый, но, глядя на маленькие фотографии брата и родителей, Мари-Анж почувствовала себя одинокой. Мама перед отъездом поцеловала ее, папа обнял, взъерошил волосы и пообещал, что в субботу, вернувшись из Парижа, они заедут за ней в школу. Замок без родителей и брата казался пустым. Бродя по дому, она зашла в комнату Робера и присела на его кровать. Через час там ее и нашла Софи. Когда экономка заглянула в комнату, Мари-Анж сидела на кровати с потерянным видом.

– Хочешь пойти со мной на ферму? – спросила Софи. – Мне нужно купить яиц, и я обещала принести мадам Фурнье бисквиты.

Мари-Анж только грустно покачала головой. Сегодня ее не привлекала даже ферма – она уже скучала по брату. Без Робера зима в Мармутоне обещала быть долгой и скучной.

Софи очень не хотелось оставлять девочку одну, но ей необходимо было сходить на ферму.

– Мари-Анж, я скоро вернусь. Обещай не уходить из сада, я не могу искать тебя в лесу. Обещаешь?

– Да, Софи, – покорно пообещала девочка.

Мари-Анж не хотелось никуда идти, но как только Софи ушла, она вышла во двор. Там ей тоже было скучно, и она решила сходить во фруктовый сад, чтобы набрать яблок. Она знала, что если соберет в подол передника достаточно, то Софи сможет испечь яблочный пирог.

Но Софи, вернувшись из деревни, была тоже сама не своя. Она сварила для Мари-Анж ее любимый суп, но девочка едва притронулась к еде. У обеих было подавленное настроение. Вскоре Мари-Анж снова пошла в сад, но вместо того чтобы играть, просто легла в высокую траву и стала смотреть в небо, думая о брате. В это время дня она обычно так и делала. Девочка заметила, что в их внутреннем дворе появилась полицейская машина, но и это ее не заинтересовало. Местные жандармы иногда заезжали к ее родителям поздороваться, проверить, все ли в порядке, а Софи поила их чаем. Мари-Анж подумала: «Интересно, они знают, что папа с мамой в Париже?»

Позже, когда Мари-Анж вошла в кухню, полицейский сидел там с Софи, которая почему-то плакала. Сначала Мари-Анж решила, что Софи, рассказывая ему о том, что Робер уехал в Париж, расплакалась. Думая об этом, девочка дотронулась до подаренного Робером медальона. Она не снимала его весь день и хотела проверить, не потеряла ли его в саду. Когда она вошла, полицейский и Софи разом замолчали. Пожилая экономка посмотрела на Мари-Анж с тоской во взгляде, и девочка вдруг поняла, – что-то случилось и дело вовсе не в отъезде Робера. Может, с дочерью Софи случилось несчастье? Но взрослые по-прежнему молчали, глядя на нее, и от необъяснимого страха у нее по спине пробежал холодок.

Молчание затянулось. Софи посмотрела на жандарма, потом на девочку и, протянув к ней руки, сказала:

– Иди ко мне, дорогая, присядь. – Она похлопала себя по коленям, приглашая Мари-Анж сесть. Девочка немного удивилась: она давно выросла из того возраста, когда забираются на колени ко взрослым, но все же подошла и села. Софи обняла ее своими худыми руками. Старая женщина не находила в себе сил рассказать девочке о том, что случилось, и жандарм понял, что это должен сделать он.

– Мари-Анж... – начал он скорбно.

Мари-Анж почувствовала, что Софи дрожит, и ей вдруг захотелось заткнуть уши и убежать. Что бы ни собирался сказать жандарм, она не желала его слушать, но заставить его замолчать она не могла.

– На дороге произошла авария.

У Мари-Анж перехватило дыхание, сердце забилось часто-часто. Авария? Не может быть! Но раз он говорит, значит, так и есть. Видно, пострадал кто-то из семьи, вот почему он приехал к ним.

– Страшная автокатастрофа, – продолжал полицейский. Девочку охватил ужас. – Твои родители и брат...

Мари-Анж спрыгнула с колен Софи и попыталась убежать, но полицейский схватил ее за руку. Как ни тяжело ему было сообщать ребенку эту ужасную новость, он знал, что обязан это сделать.

– Они погибли. Это случилось час назад. Водитель грузовика не справился с управлением, вылетел на встречную полосу и врезался в вашу машину. Они погибли мгновенно. Нам позвонили из дорожной полиции.

Он замолчал так же внезапно, как и заговорил. Мари-Анж стояла в оцепенении, чувствуя, как бьется ее сердце. В наступившей тишине тиканье часов казалось неестественно громким.

– Это неправда! – закричала девочка. – Вы все врете! Мама с папой и Робер уехали в Париж!

– К сожалению, они не доехали до Парижа, – скорбно сказал жандарм.

Софи всхлипнула, и в то же мгновение Мари-Анж завизжала и стала вырываться из его рук. Не зная, как быть, и не желая причинить ребенку боль, жандарм разжал руки. Мари-Анж бросилась из комнаты, выбежала из дома и побежала в сад. Жандарм растерянно посмотрел на Софи. У него не было детей, и он не знал, как с ними обращаться.

– Может, мне пойти за ней?

Экономка отрицательно покачала головой и вытерла глаза уголком фартука.

– Пусть побудет одна, позже я сама за ней схожу. Ей нужно время, чтобы свыкнуться с этим страшным известием.

Но сейчас Софи только и могла, что оплакивать потерю и гадать, что будет теперь с ней и Мари-Анж. Три замечательных, красивых, дорогих ей человека умерли в одно мгновение... Ей и самой было трудно в это поверить. Когда жандарм описывал ей место трагедии, Софи хотелось заткнуть уши. Она молилась только о том, что смерть всех троих была быстрой и они не страдали. Но что ждет Мари-Анж, осиротевшую в одно мгновение? Она спросила об этом жандарма, но тот ничего не смог ответить и посоветовал ей связаться с поверенным семьи Хокинсов.

Наступили сумерки, и Софи пошла искать Мари-Анж. Найти девочку оказалось нетрудно: она сидела под деревом, свернувшись в клубочек, и, уткнувшись лицом в колени, плакала. Софи молча села рядом. Некоторое время она молчала, потом сказала сквозь слезы:

– Мари-Анж, на все воля божья, он забрал твоих родителей и Робера на небеса.

– Нет, не забрал! – упрямо возразила девочка. – А если он это сделал, я его ненавижу!

– Не говори так. Мы должны молиться за них.

С этими словами Софи обхватила девочку за плечи и стала тихонько покачивать, словно баюкая. Они долго так сидели и плакали, старая женщина и маленькая девочка. Только когда совсем стемнело, встали и побрели домой. Всю дорогу до дома Софи обнимала девочку. Мари-Анж была так ошеломлена, что у нее подкашивались ноги. У дверей она остановилась, подняла голову и с ужасом посмотрела на Софи.

– Что теперь будет с нами? – прошептала она. – Мы можем остаться здесь?

– Не знаю, дорогая, надеюсь, что да.

Софи не представляла, что будет дальше, и ей не хотелось обещать девочке то, что она не сможет выполнить. Она знала, что во Франции у Мари-Анж никого не осталось. Из Америки к Хокинсам тоже никто никогда не приезжал, и насколько Софи было известно, у девочки не осталось родственников и там. Казалось, Мари-Анж осталась одна на всем белом свете. Пытаясь представить себе жизнь без родителей и Робера, девочка содрогнулась от ужаса. Она не знала, что ждет ее впереди, но знала, что никогда больше не увидит ни родителей, ни брата и что ее счастливая и такая защищенная жизнь оборвалась так же внезапно, как если бы она умерла вместе с ними.

Глава 2

Заупокойная служба состоялась в домовая церкви замка Мармутон, на нее пришли люди из поселка и близлежащих ферм. Собрались друзья Робера, его одноклассники, деловые партнеры Джона, друзья Франсуазы. После похорон все отправились в дом погибших, чтобы по традиции помянуть покойных и выразить соболезнования родственникам. В замке их ждало угощение, но выразить соболезнования было некому, кроме маленькой девочки и заботливой, добросердечной экономки.

На следующий день после похорон в Мармутон приехал поверенный Джона Хокинса. Он объяснил Мари-Анж, что ее единственной родственницей является Кэрол Коллинз, ее двоюродная бабушка по отцу, которая живет в Америке. Мари-Анж вспомнила, что отец когда-то упоминал о ней, но она никогда не приезжала к ним в гости, родители с ней даже не переписывались, и единственное, что девочка знала об этой родственнице, – что отец ее не очень-то любил. Поверенный сказал, что звонил Кэрол Коллинз и она согласна, чтобы Мари-Анж приехала и поселилась у нее. Он также сказал, что «решит вопрос» с поместьем и фирмой Джона, но для одиннадцатилетней девочки эти слова были пустым звуком. Адвокат употреблял и другие непонятные слова: долги, недвижимость. Мари-Анж только в оцепенении смотрела на него.

– Месье, нельзя ли девочке остаться жить здесь? – спросила Софи, всхлипывая.

Поверенный покачал головой. Он не мог оставить девочку жить в замке на попечении одной только престарелой экономки. Кто-то должен будет принимать решения, касающиеся ее образования и вообще будущего. Нельзя взваливать такую ответственность на Софи. Работники фирмы Джона уже предупредили адвоката, что Софи слаба здоровьем, и, несмотря на все ее добрые намерения, он решил отправить девочку к родственнице, которая сможет о ней позаботиться должным образом. Софи он сказал, что сможет выхлопотать для нее пенсионное пособие, и был глубоко тронут, увидев, что ей это безразлично. Пожилую экономку беспокоила только судьба Мари-Анж, которую отсылают в другую страну к незнакомым людям. С тех пор как погибли ее родители, Мари-Анж была безутешна, потеряла аппетит, почти все время лежала в высокой траве и смотрела в небо.

Пытаясь подбодрить девочку, поверенный сказал ей:

– Мари-Анж, я уверен, что твоя бабушка – очень милая женщина.

Она ничего не ответила, лишь вспомнила, что отец называл эту родственницу злобной и мелочной старухой. И поэтому двоюродная бабка вовсе не представлялась ей «милой».

Когда Мари-Анж ушла, экономка шепотом спросила поверенного:

– Когда вы отправляете ее в Америку?

– Послезавтра.

Софи всхлипнула.

– Я сам довезу ее до Парижа и посажу на самолет. Ей придется лететь до Чикаго, а там пересесть на другой самолет. Миссис Коллинз должна встретить ее в аэропорту и отвезти на ферму. Полагаю, это та самая ферма, на которой вырос мистер Хокинс.

Адвокат хотел этими словами успокоить и поддержать пожилую женщину. Ведь Софи потеряла не только хозяев, которых знала и любила, но и мальчика, за которым ухаживала с самого его рождения, а теперь ей предстояло разлучиться и с девочкой, которую она также обожала. Для всех, кто знал Мари-Анж, она была как солнечный лучик. Никакая пенсия не могла компенсировать Софи разлуку с любимицей. Расстаться с Мари-Анж было для нее все равно что потерять родную дочь, в каком-то смысле даже хуже, потому что в отличие от ее родной, уже взрослой дочери эта беззащитная и ласковая девочка в ней нуждалась больше.

– Откуда вы знаете, как с Мари-Анж будут там обращаться? – с тревогой поинтересовалась экономка. – Может, ей будет не очень хорошо?

– У нее нет выбора, мадам, – ответил адвокат. – Кэрл Коллинз – ее единственная родственница, и Мари-Анж придется жить у нее. Это счастье, что миссис Коллинз согласилась ее принять.

– У нее есть дети? – спросила Софи, надеясь, что девочка обретет любящих и заботливых родственников.

– Насчет детей не знаю. Кажется, она довольно пожилая, но производит впечатление умной и рассудительной женщины, во всяком случае по телефону. Она удивилась моему звонку, но охотно согласилась взять ребенка, только сказала, что девочку нужно обеспечить теплой одеждой, у них там холодные зимы.

Мари-Анж улетает в Айову... Для Софи это было все равно что на Луну. Мысль о разлуке с любимицей была для нее невыносима. Она пообещала, что соберет в дорогу все теплые вещи девочки и вообще все ее любимые вещи, кукол, фотографии Робера и родителей, чтобы на чужбине ее окружали знакомые предметы.

Софи упаковала все вещи в три больших чемодана. Поверенный, приехавший за Мари-Анж через два дня, ничего не сказал по поводу большого багажа. Он и сам не мог смотреть на девочку без боли в сердце. Мари-Анж выглядела как человек, которому нанесли смертельный удар, она не могла ни перенести его, ни даже в полной мере осознать смысл случившегося. В ее глазах застыло выражение потрясения и боли, старая экономка выглядела такой же разбитой. Прощаясь, Мари-Анж обняла Софи и заплакала. Поверенный с чувством неловкости стоял рядом с ними добрых десять минут, беспомощно наблюдая, как плачут маленькая девочка и пожилая женщина. Наконец он тронул девочку за плечо:

– Мари-Анж, нам пора ехать, иначе мы опоздаем на самолет.

– Ну и пусть опоздаем. – Она всхлипнула. – Пусть самолет улетит без нас. Я не хочу ехать в эту Айову, я хочу остаться здесь.

Поверенный не стал напоминать, что дом будет продан вместе со всем имуществом. Оставлять имение за Мари-Анж, когда она еще так мала и к тому же улетает за океан, не имело смысла. Период ее жизни, связанный с замком Мармутон, закончен, и девочка, видимо, это понимала, хотя и не говорила об этом вслух. Перед тем как сесть в машину, она испуганно огляделась по сторонам, словно желая запечатлеть на всю жизнь то, что видит. Софи, все еще всхлипывая, пообещала писать ей каждый день. Она стояла во дворе до тех пор, пока машина не скрылась из виду, а потом рухнула на колени и зарыдала во весь голос, уже не сдерживаясь.

Позже, выплакавшись, Софи зашла на кухню, потом ушла в свой домик собирать вещи. Потом она тщательно прибралась в доме. Оглядевшись в последний раз, Софи заперла дверь и вышла на дорогу. Стоял солнечный сентябрьский день. Она собиралась некоторое время пожить у друзей на ферме, а потом поехать в Нормандию к дочери.

Во время долгого пути до Парижа Мари-Анж не произнесла ни слова. Сначала поверенный несколько раз пытался завязать разговор, но девочка упорно молчала, и он оставил эти попытки, понимая, что ему нечего сказать ей в утешение. Мари-Анж придется научиться жить со своим горем. В Айове девочку ждала другая жизнь, и он надеялся, что она поладит с родственницей и, возможно, даже обретет свое счастье. Не может же она всю жизнь оплакивать родителей и брата.

По пути они сделали остановку, чтобы перекусить, но Мари-Анж ни к чему не прикоснулась. Даже когда поверенный предложил ей мороженое, она молча отрицательно покачала головой. Голубые глаза на осунувшемся личике казались огромными, волосы слегка растрепались. Но в нарядном голубом платье с оборками, голубом свитере, поверх которого висела золотая цепочка с медальоном – последний подарок брата, – она походила на юную принцессу, только очень грустную. Это платье ее мама привезла ей из Парижа. В дорогу она надела самые лучшие туфельки. Глядя на эту нарядную девочку, невозможно было даже представить, что обычно она целыми днями бегала босиком и лазила по деревьям.

Поверенный проводил Мари-Анж до самого трапа и подождал, пока она поднимется на борт самолета, но девочка ни разу не оглянулась, не помахала ему рукой. Лишь пожимая ему руку на прощание, она вежливо сказала: «Aurevoir, monsieur, – и стюардесса повела ее к трапу самолета, который летел в Чикаго.

Старшая стюардесса смотрела на девочку с сочувствием. Поверенный объяснил ей, что Мари-Анж потеряла всю семью и теперь летит к дальней родственнице в Чикаго. С первого взгляда становилось ясно, что девочка глубоко несчастна. Стюардесса обещала присматривать за ней во время полета и пересадить ее в Чикаго на самолет в Айову. Поверенный вежливо поблагодарил ее. Теперь он был спокоен за безопасность Мари-Анж во время полета, но дальнейшая судьба девочки не могла его не волновать. Его немного утешало лишь то, что у нее, по крайней мере, осталась двоюродная бабушка, которая о ней позаботится.

Дождавшись, когда самолет поднялся в воздух, он сел в машину и двинулся в обратный путь. По дороге он думал не только об осиротевшей Мари-Анж, но и о делах, которые ждали его в Мармутоне. Ему предстояло распорядиться домом, распродать все имущество и фирму Джона Хокинса. К счастью, Джон оставил свои дела в полном порядке.

В полете Мари-Анж почти не спала ночью и отказывалась от еды. Стюардесса с трудом уговорила ее хоть немножко поесть, но и тогда девочка съела лишь небольшой кусочек цыпленка и полкусочка хлеба. Большую часть времени она сидела, отвернувшись к окну, за которым ничего не было видно. В одиннадцать лет Мари-Анж казалось, что вся ее жизнь осталась позади, ей уже нечего ожидать, не на что надеяться. Когда она наконец закрыла глаза, то увидела лица родных почти так же отчетливо, как на фотографиях в медальоне. Фотография Софи тоже была у нее с собой, она записала адрес дочери экономки. Девочка пообещала написать сразу же, как доберется до фермы своей родственницы, и Софи заверила, что будет отвечать на ее письма.

Самолет приземлился в Чикаго в семь часов вечера по местному времени. Час спустя Мари-Анж села в самолет до Айовы, а три ее огромных чемодана были сданы в багаж. В половине двенадцатого самолет приземлился в Форт-Додже. Уже стемнело, и Мари-Анж мало что могла разглядеть из окна самолета при подлете к аэропорту. Она только поняла, что внизу на много миль вокруг расстилается плоская равнина, а аэропорт показался ей совсем крошечным. Стюардесса спустилась вместе с ней по трапу на взлетно-посадочную полосу и проводила ее до терминала, где Мари-Анж встречал мужчина в широкополой ковбойской шляпе. У него были усы и серьезные темные глаза. Девочка с испугом посматривала на него, когда он сказал стюардессе, что зовут его Том и он работник с фермы Коллинз, и предъявил ей письмо, в котором его хозяйка поручила ему встретить в аэропорту ее внучатую племянницу. Стюардесса передала ему паспорт Мари-Анж и попрощалась с девочкой. Том взял ее за руку, и они пошли за багажом. Увидев огромные чемоданы, он присвистнул.

– Хорошо, что я приехал на грузовике, – с улыбкой сказал он девочке.

Та не ответила. Он подумал, что она может и не говорить по-английски, хотя ее отец и был американцем. Пока он слышал от нее только одно слово, когда она прощалась со стюардессой. Она произнесла «до свидания» с французским акцентом, и это неудивительно, ведь она родилась и выросла во Франции, а ее мать была француженкой.

– Есть хочешь? – спросил он, четко выговаривая каждый слог.

Мари-Анж молча покачала головой.

Он велел носильщику взять один чемодан, взял два других и понес к машине. По дороге он объяснил, что его зовут Том и он работает у Кэрл Коллинз, которую назвал ее тетушкой.

Погрузив чемоданы, Том открыл дверь для Мари-Анж, потом сел за руль и завел мотор. Пытаясь подбодрить девочку, он сказал:

– Твоя тетушка – хорошая женщина.

Девочка продолжала молчать. Она уже возненавидела свою двоюродную бабушку за одно то, что ее увезли из родного дома и разлучили с Софи. Мари-Анж так хотелось остаться в Мармутоне!

Спустя примерно час, во втором часу ночи, Том свернул с шоссе на ухабистую проселочную дорогу.

Через несколько минут из темноты показались очертания большого приземистого дома. Мари-Анж разглядела две силосные башни, сарай и какие-то другие постройки. Все это настолько не походило на Мармутон, что ей показалось, будто она попала на другую планету. Пикап остановился возле дома, но никто не вышел их встречать. Том выгрузил из кузова чемоданы и вошел через черный ход в кухню. Кухня показалась девочке какой-то ветхой, и она неуверенно остановилась на пороге, словно опасаясь того, что может увидеть внутри. Тогда Том повернулся к ней и с улыбкой поманил рукой.

– Входи, Мари. – Он потерял половину ее имени. – А я пойду поищу твою тетю Кэрол, она собиралась тебя дождаться.

К этому времени Мари-Анж находилась в пути уже двадцать два часа и выглядела изможденной, глаза на бледном лице казались огромными. Услышав какой-то звук, она вздрогнула, посмотрела туда, откуда он донесся, и увидела, что из дверного проема, ведущего в тускло освещенную комнату, за ней наблюдает пожилая женщина в инвалидной коляске. Одиннадцатилетней девочке это зрелище показалось жутким.

– Надо же было додуматься явиться в таком платье на ферму! – сказала та вместо приветствия.

У нее были резкие, угловатые черты лица и глаза, немного похожие на глаза ее отца. Увидев, что бабушка – инвалид, Мари-Анж испугалась.

– Ты нарядилась, как на вечеринку, – заметила женщина, и это прозвучало вовсе не как комплимент.

Мари-Анж знала, что Софи положила в ее чемоданы много «глупых» платьев вроде этого.

– Ты говоришь по-английски? – резко спросила женщина.

Мари-Анж могла только догадываться, что это и есть ее двоюродная бабушка, но их пока никто не представил друг другу. Она кивнула.

– Том, спасибо, что встретил ее.

Прежде чем уйти, работник ободряюще потрепал Мари-Анж по плечу. Он сочувственно посмотрел на нее. Будучи отцом и дедом, он мог понять состояние ребенка, которого увезли так далеко от дома, да еще и при столь трагических обстоятельствах. Несмотря на все попытки Тома подбодрить Мари-Анж, вид у нее был испуганный еще с тех пор, как она сошла с трапа самолета. Кроме того, Том знал, что Кэрол Коллинз – тяжелый в общении человек и далеко не самый подходящий опекун для ребенка. Своих детей у нее никогда не было, а дети ее друзей или работников ничего для нее не значили, она ими не интересовалась, даже никогда не пыталась с ними заговорить. И вот по иронии судьбы она на старости лет вынуждена была принять на себя заботы о ребенке. Том надеялся, что появление этой девочки хоть немного смягчит ее характер.

– Ты, наверное, устала, – сказала женщина, когда они остались одни. Девочка с трудом сдерживала слезы, она уже скучала по любящим объятиям Софи. – Можешь идти спать прямо сейчас.

Мари-Анж действительно устала, но еще сильнее, чем спать, ей хотелось есть. Она наконец проголодалась, но по иронии судьбы из всех, с кем Мари-Анж приходилось сталкиваться за последние сутки, только Кэрол Коллинз не предложила ей поесть, а попросить ее Мари-Анж побоялась.

– Тебе что, нечего сказать?

Женщина сурово посмотрела на нее, и Мари-Анж решила, что это намек на то, что она ее не поблагодарила.

– Спасибо, что позволили мне приехать, – сказала она по-английски грамотно, но с французским акцентом.

– Вряд ли у меня или у тебя был выбор, – равнодушно ответила Кэрол, – так что надо постараться извлечь из этой ситуации все, что можно. Ты будешь помогать мне по хозяйству. – Она хотела с самого начала расставить точки над «i». – Надеюсь, у тебя есть с собой более подходящая одежда, чем это нелепое платье, – добавила она, ловко разворачивая свою коляску.

Кэрол Коллинз в юности перенесла полиомиелит, и с тех пор ее ноги были парализованы. Она, конечно, могла передвигаться на костылях, но предпочитала инвалидную коляску как менее унижительный и более эффективный способ. Она пользовалась ею уже более пятидесяти лет, в апреле ей исполнилось семьдесят. Муж Кэрол погиб на войне, и она больше не вышла замуж. Ферма раньше принадлежала ее отцу. Кэрол управляла ею довольно успешно, а после смерти брата, отца Джона Хокинса, ей удалось расширить владения за счет его участка. Мать Джона после смерти мужа снова вышла замуж и переехала, она была только рада, когда Кэрол предложила выкупить у нее ее долю. Таким образом, из всей семьи в живых осталась только Кэрол Коллинз. Она хорошо разбиралась в сельском хозяйстве, но совсем ничего не знала о детях.

Кэрол выделила Мари-Анж комнату для гостей. Сделала она это нехотя: несмотря на то что гости на ферме бывали очень редко и комната почти не использовалась, ей было жалко отдавать ее ребенку. Следуя за бабушкой, Мари-Анж прошла через тускло освещенную гостиную и оказалась в длинном темном коридоре. Девочку одолевали усталость, тоска по дому и страх, ей приходилось постоянно бороться с собой, чтобы не разрыдаться. Комната, в которую ее привела Кэрол, показалась Мари-Анж голой и неудобной. На одной стене висело распятие, на другой – репродукция какой-то картины, как потом она узнала, Нормана Рокуэлла. На металлической кровати лежал тонкий матрас, поверх него – подушка и аккуратно свернутые простыни и одеяло. Кроме кровати в комнате стоял узкий гардероб и маленький комод. Даже Мари-Анж было ясно, что здесь некуда будет сложить вещи, которые она привезла в своих огромных чемоданах, но девочка решила, что подумает об этом утром.

– Ванная в конце коридора, – сказала Кэрол. – Она у нас одна на двоих, так что не занимай ее слишком долго. Впрочем, думаю, ты еще мала, чтобы засиживаться перед зеркалом.

Мари-Анж кивнула. Ее мать любила не спеша принимать ванну, а когда они собирались в гости, она подолгу сидела перед зеркалом, накладывая макияж.

Мари-Анж нравилось за ней наблюдать. Но Кэрол Коллинз не пользовалась косметикой, она носила мужские рубашки и джинсы, коротко стригла ногти, ее седые волосы тоже были коротко подстрижены. По мнению Мари-Анж, она выглядела просто мрачной старухой.

– Надеюсь, ты умеешь стелить постель? Если нет, придется научиться, – сказала Кэрол без малейшей теплоты в голосе.

Девочка кивнула. Софи научила ее стелить постель, хотя это получалось у нее не очень хорошо, и Софи обычно ей помогала. Робер, бывало, шуточно жаловался, что ему приходится стелить свою постель самостоятельно.

Дальние родственницы довольно долго смотрели друг на друга, потом Кэрол прищурилась, оценивающе разглядывая девочку, и заметила:

– Ты похожа на своего отца в детстве. – В ее голосе и на этот раз не слышалось теплоты, и Мари-Анж начала понимать, что имел в виду отец, называя Кэрол злобной и мелочной старухой. Ей самой двоюродная бабушка показалась холодной, неприветливой и несчастной, девочка подумала, что, возможно, это из-за ее инвалидности. Однако вежливость не позволяла ей приставать с расспросами. Мари-Анж знала, что мама хотела бы, чтобы она вела себя как воспитанная девочка.

– Я не видела твоего отца с тех пор, как он уехал во Францию. Мне всегда казалось, что это глупость – уезжать, когда на ферме полно работы. После отъезда Джона его отцу пришлось нелегко, но Джону, видно, было на это плевать. Как я понимаю, он поехал во Францию, чтобы жениться на твоей матери. – В голосе Кэрол слышалось осуждение.

У девочки возникло ощущение, что ей полагается извиниться, но она не стала. Она теперь понимала, почему папа уехал в Париж. Дом на ферме подавлял своей мрачностью, а его тетку при всем желании нельзя было назвать дружелюбной. Кэрол Коллинз разительно отличалась от матери Мари-Анж – живой, дружелюбной, веселой, женственной и очень, очень красивой. Неудивительно, что Джон отправился во Францию, чтобы ее разыскать, особенно если в Айове все женщины такие, как эта. Будь Мари-Анж постарше, она бы поняла, что Кэрол Коллинз – в первую очередь очень несчастная женщина. Жизнь обошлась с ней жестоко, еще в юности сделав калекой, а через несколько лет после этого отняв у нее мужа. У нее было очень мало радостей в жизни, и ей нечего было дать ребенку.

– Я тебя разбуджу, когда проснусь, – предупредила Кэрол. Мари-Анж, конечно, хотелось знать, во сколько ее разбудят, но спросить она не посмела. – Поможешь мне готовить завтрак.

– Спасибо, – прошептала девочка. У нее выступили слезы, но старуха, казалось, этого не заметила. Она молча развернула кресло и укатила. Мари-Анж закрыла дверь, села на кровать и заплакала. Наконец она встала и принялась застилать постель. Порывшись в чемоданах, она нашла ночные рубашки, аккуратно сложенные Софи. Рубашки из тонкого хлопка, купленные, как и все ее вещи, в Париже, были украшены кружевом, которое Софи сама сплела своими старческими узловатыми пальцами. Мари-Анж интуитивно чувствовала, что Кэрол Коллинз никогда не видела ничего подобного, хотя вряд ли ей они понравятся.

Девочка долго лежала в темноте без сна, пытаясь понять, чем так прогневила судьбу. Брат и родители погибли, Софи осталась во Франции, а она сама оказалась на попечении страшной, злой старухи в этом отвратительном месте. Лежа на узкой металлической кровати и вслушиваясь в незнакомые звуки, доносившиеся из-за окна, девочка думала о том, что лучше бы ей оказаться в той машине с родителями и Робером.

Глава 3

На следующее утро Кэрол разбудила Мари-Анж еще до рассвета. Остановившись в дверях комнаты, она велела ей вставать, потом круто развернула коляску и поехала в кухню. Пять минут спустя Мари-Анж с заспанными глазами и со спутанными после сна волосами тоже пришла в кухню. Часы показывали половину шестого утра.

– Мы здесь на ферме встаем рано, Мэри, – сказала Кэрол, решительно отбрасывая вторую половину ее имени.

Мари-Анж посмотрела на бабушку.

– Меня зовут Мари-Анж, – сказала она с тоскливым видом.

Девочка говорила с акцентом, который мог бы показаться кому-то милым, но только не Кэрол Коллинз. Для нее французский акцент служил лишь напоминанием о глупости племянника, а двойное имя она сочла слишком претенциозным.

– Здесь с тебя хватит и Мэри, – безапелляционно заявила она.

Кэрол поставила на стол бутылку молока, банку джема, положила на доску буханку хлеба. Это и был их завтрак.

– Можешь поджарить себе тост, если хочешь.

Она указала на допотопный, проржавевший тостер, стоящий на кухонном столе. Мари-Анж положила в него два ломтика хлеба, думая о том, что дома Софи подала бы на завтрак бекон и яйца или персики из сада. Когда тосты поджарились, Кэрол взяла один себе и щедро намазала его джемом. Оставив второй ломтик девочке, она убрала хлеб со стола. Мари-Анж поняла, что на завтрак ей больше ничего не достанется. Из-за стола она встала голодной.

– Том покажет тебе ферму и объяснит твои обязанности, – сказала Кэрол. – Ты теперь каждый день, как встанешь и уберешь постель, будешь готовить для нас завтрак, как я тебе показала. Потом до школы будешь выполнять свои обязанности на ферме. Мы здесь все работаем, и тебе тоже придется. Если тебя это не устраивает, – Кэрол зловеще посмотрела на девочку, – тогда нечего тебе здесь делать, можешь поселиться в приюте для сирот, в Форт-Додже есть такой. Так что не рассчитывай, что тебе удастся отвертеться от домашней работы. Если хочешь остаться со мной, придется работать.

Мари-Анж молча кивнула. Теперь-то она знала, что значит быть сиротой.

– В понедельник начнутся занятия в школе, а завтра мы вместе пойдем в церковь. Том нас отвезет.

Кэрол не стала покупать автомобиль, специально приспособленный для инвалидов, которым могла бы управлять сама. Она могла себе это позволить, но не хотела тратить деньги.

– Сегодня, после того как ты переделаешь все дела, мы поедем в город и купим тебе подходящую одежду для работы. Сомневаюсь, что ты привезла с собой что-нибудь путное.

– Я не знаю, мадам... то есть бабушка... миссис...

Под суровым взглядом Кэрол Коллинз девочка совсем смешалась. От голода у нее свело живот, и она не могла думать ни о чем другом. В самолете она проглотила лишь несколько кусочков, вчера вечером вообще не ела и сейчас была очень голодна.

– Мои вещи собирала Софи, – пролепетала она, не объясняя, кто такая Софи, а Кэрол Коллинз не спросила. – Я привезла платья, в которых я обычно играла.

Рваные платья, в которых она лазила по деревьям, остались в Мармутоне: Софи сказала, что неприлично везти с собой эти лохмотья.

– После завтрака мы посмотрим, что ты привезла, – без улыбки сказала Кэрол. – И не надейся бездельничать. Твое содержание обойдется мне недешево, ты же не рассчитываешь, что я буду кормить и одевать тебя даром?

– Да, мадам, – серьезно сказала Мари-Анж. Старуха бросила на нее такой свирепый взгляд, что девочка задрожала.

– Можешь звать меня тетя Кэрол. А сейчас вымой-ка посуду.

С этим Мари-Анж справилась быстро, поскольку грязной посуды было немного: одна тарелка из-под тостов и одна чашка, из которой Кэрол пила кофе. После этого она вернулась в свою комнату, не зная, что делать дальше, села на кровать и стала смотреть на фотографии родителей и брата, которые поставила на комод. Дрожащая рука потянулась к медальону на шее.

Из коридора донесся скрип инвалидной коляски. Мари-Анж вздрогнула.

– Мэри, я хочу посмотреть, что ты привезла в этих трех огромных чемоданах. У ребенка не должно быть так много одежды, это грешно.

Мари-Анж спрыгнула с кровати, с готовностью открыла чемоданы и стала доставать одно за другим нарядные платья, ночные рубашки, украшенные вышивкой, несколько пальто, которые мама привезла ей из Парижа и Лондона. Она надевала их в школу, или по воскресеньям в церковь, или когда ездила с родителями в Париж. Кэрол уставилась на пальто с угрюмым неодобрением.

– Здесь тебе это не понадобится.

Старуха подъехала поближе и сама стала рыться в чемоданах. Перебирая вещи, Кэрол положила на кровать свитера, брюки, несколько юбок. На кровати образовалась небольшая кучка одежды. Мари-Анж решила, что бабушка откладывает одежду, которую считает негодной. Ей самой эти вещи не нравились, но Софи сказала, что они вполне сгодятся, чтобы ходить в школу.

Кэрол молча закрыла чемоданы и велела Мари-Анж сложить отобранные вещи в шкаф. Девочка растерялась, но сделала, как ей было приказано. Затем Кэрол велела найти во дворе Тома, чтобы тот объяснил ей ее обязанности, а сама укатила по темному коридору в сторону своей спальни.

Том ждал Мари-Анж во дворе. Взяв за руку, он повел ее в сарай, где рассказал, что ей придется делать, и показал, как доить корову. Мари-Анж подумала, что бабка навалила на нее очень много обязанностей, хотя сами по себе дела показались ей не такими уж трудными. Том сказал, что, если она не успеет закончить все до того, как идти в школу, она может доделать это после школы, до обеда. Прошло не меньше двух часов, прежде чем Том привел Мари-Анж обратно в дом.

Девочка удивилась, увидев, что Кэрол переоделась и ждет их в инвалидной коляске на крыльце. Обращаясь не к девочке, а к Тому, Кэрол велела ему взять чемоданы и отвезти их в город. Мари-Анж похолодела: значит, ее все-таки отдадут в приют для сирот. Том поставил ее чемоданы в кузов. Ни слова не говоря и не задавая никаких вопросов, девочка покорно поплелась за Томом к пикапу, на котором он привез ее вчера вечером. Ее жизнь после гибели родителей превратилась в нескончаемый кошмар.

Мари-Анж сквозь слезы смотрела в окно. Когда они въехали в город, тетя Кэрол велела Тому остановиться у магазина «Гудвилл». Том выгрузил из пикапа инвалидную коляску и помог хозяйке пересест в нее из машины. Затем по ее распоряжению занес чемоданы в магазин. Мари-Анж всё еще не понимала, куда и зачем ее привезли, зачем взяли ее чемоданы, а Кэрол, по-видимому, не собиралась ничего ей объяснять.

Женщины за прилавком узнали Кэрол Коллинз, въехавшую на своей коляске. Следом за ней вошел Том, нагруженный чемоданами Мари-Анж.

– Мне нужна кое-какая одежда для внучки, – пояснила Кэрол.

Мари-Анж украдкой вздохнула с облегчением, поняв, что ее, по-видимому, все-таки не отдадут в казенный приют и ничего особенно страшного с ней не случится – во всяком случае, в ближайшее время. Кэрол выбрала три рабочих комбинезона, несколько линялых футбо-

лок и свитеров, на вид довольно поношенных, несколько пар совсем новых кроссовок и одну коричневую стеганую куртку, ужасно некрасивую, но, как сказали взрослые, очень теплую и пригодную для зимы. Примеряя вещи, Мари-Анж тихо сказала, что только что приехала из Франции. Кэрол, указав на ее чемоданы, быстро пояснила, что девочка привезла с собой кучу совершенно бесполезных вещей.

– Возьмите их в оплату за то, что мы выбрали, а на остальную сумму дайте мне кредит, – сказала она. – Эти вещи ей тут не понадобятся, а уж если она попадет в приют для сирот, то тем более. Там носят униформу, – добавила Кэрол, выразительно посмотрев на девочку.

Мари-Анж заплакала. Женщинам за прилавком стало ее жаль.

– Тетя Кэрол, можно мне оставить хотя бы ночные рубашки... и моих кукол?

– У тебя не будет времени играть в куклы, – сурово заявила Кэрол. Поколебавшись, она добавила: – Так и быть, ночные рубашки можешь оставить.

Девочка открыла один из чемоданов, достала ночные рубашки и прижала их к груди. Она думала о том, что все остальные вещи у нее отнимают, она никогда больше не увидит одежду, которую с такой любовью покупали для нее родители. Ей казалось, что у нее отнимают последнее, что связывало ее с той жизнью, к которой она привыкла и которую потеряла. Мари-Анж продолжала плакать. Том отвернулся, не в силах смотреть на убитую горем девочку, прижимающую к груди свои ночные рубашки. Но Кэрол переживания внучки не трогали. Она молча вручила Тому пакет с покупками и выехала на улицу. Том и девочка последовали за ней. Мари-Анж уже не пугала перспектива оказаться в сиротском приюте. В эту минуту ей казалось, что хуже, чем здесь, ей нигде не будет.

Обратный путь до фермы прошел в полном молчании. Только увидев знакомые постройки, Мари-Анж поняла, что ее не отправляют в приют, во всяком случае пока, а может быть, вообще не отправят – если она только очень сильно не прогневит чем-нибудь Кэрол.

Она отнесла к себе в комнату свои рубашки и вещи, только что купленные в «Гудвилле». Минут через десять тетка позвала ее есть. Скромный ленч состоял из хлеба с беконом – без капельки масла или майонеза, стакана молока и одного печеньца. Казалось, двоюродной бабке было жаль для внучки куска хлеба. Мари-Анж, конечно, не приходило в голову, что за вещи, которые Кэрол Коллинз отдала в уплату за ее одежду, ей дали кредит на несколько сотен долларов и пока содержание внучки не только не стоило ей ни цента, а даже принесло прибыль.

До конца дня Мари-Анж помогала на ферме по хозяйству и не видела бабку до ужина. Вечерняя трапеза была такой же скудной, как все предыдущие. Кэрол положила на тарелку Мари-Анж тоненький кусочек мясного рулета с гарниром из вареных овощей, напоминавших по вкусу бумагу. На десерт полагалось зеленое желе «Джелло», приготовленное из концентрата.

После еды Мари-Анж вымыла посуду и ушла в свою комнату. Этой ночью она долго лежала без сна, вспоминая родителей, думая обо всем, что произошло с ней после их гибели. Ей казалось, что в ее жизни больше не будет ничего хорошего, только одиночество, голод и вечный страх. Боль от потери близких становилась временами такой острой, что Мари-Анж казалось – она ее не вынесет. Вспоминая родителей, она вдруг поняла, что имел в виду отец, когда называл свою тетку злобной и мелочной старухой. Она инстинктивно чувствовала, что ее доброй и жизнерадостной маме тетка Кэрол понравилась бы еще меньше, чем отцу. Но что толку думать об этом теперь? Она здесь, и ей ничего не остается, кроме как терпеть.

На следующий день Мари-Анж отправилась с бабкой в церковь, Том отвез их на машине. Пастор долго говорил о геенне огненной, о супружеской измене и о многих других вещах, которые частью показались Мари-Анж страшными, а частью просто скучными. Она даже задремала во время проповеди и проснулась лишь тогда, когда Кэрол грубо затрясла ее за плечо.

Вечером за ужином, который ничем не отличался от предыдущего, бабка сообщила Мари-Анж, что утром та пойдет в школу. Кэрол испытала облегчение, узнав, что Мари-Анж свободно, хотя и с акцентом, говорит по-английски и в состоянии понять объяснения учителей.

Девочка, правда, не умела писать по-английски, но этим бабка не поинтересовалась. Перед тем как отправиться спать, она объяснила Мари-Анж, как добраться до школы.

– Пройдешь по дороге примерно милью до желтого указателя – конечно, после того как сделаешь все по хозяйству, – там тебя в семь часов подберет автобус. Не знаю, быстро ли ты ходишь, в первый раз на всякий случай выйди из дома в шесть, узнаешь, сколько времени у тебя уйдет на дорогу. Делами ты можешь заняться в пять, а встать придется в четыре, я дам тебе будильник. – Кэрол вручила ей допотопный дребезжащий будильник, Мари-Анж предположила, что и он был куплен в том же магазине подержанных вещей. – На автобусе тебе ехать сорок миль, по дороге до школы будет много остановок. После занятий тебя высадят на том же месте около четырех, так что в пять ты должна быть здесь. После школы займешься делами, а уроки можешь учить после обеда.

Судя по описанию Кэрол, Мари-Анж ждала череда долгих, трудных и унылых дней, существование, весьма напоминающее рабство. Она не решилась спросить, почему Том не может возить ее в школу на машине. Она лишь пожелала тете Кэрол спокойной ночи и ушла к себе.

Казалось, будильник зазвонил лишь через несколько минут после того, как она заснула. На этот раз Мари-Анж завтракала одна. Воспользовавшись случаем, она отрезала себе целых три куска хлеба и намазала их джемом, моля бога, чтобы Кэрол не сосчитала, сколько кусков оставалось в буханке хлеба, когда та убирала ее после ужина. Мари-Анж знала, что ей полагался только один кусок, но уж очень ей хотелось есть.

В полной темноте Мари-Анж вышла из дома и пошла в сарай. Когда она закончила утреннюю работу и собралась идти в школу, было все еще темно. Она вышла на дорогу и направилась в ту сторону, куда ей показали накануне. Мари-Анж знала, что бабушка уже должна была встать, но она даже не заглянула на кухню попрощаться. В школу Мари-Анж надела брюки и уродливый свитер, купленный в «Гудвилле». Перед выходом из дома расчесала волосы, но впервые в жизни оставила их распущенными. Она уходила одна: не было Софи, которая помахала бы ей рукой, не было Робера, который тайком угостил бы ее кофейными «гусиками», не было родителей, которые обняли и поцеловали бы ее на прощание.

Мари-Анж шла в темноте к остановке школьного автобуса. По обеим сторонам дороги расстилалась плоская равнина Айовы. Девочка не знала, что ждет ее в школе, какие там будут дети, да ее это и не очень интересовало. Она не надеялась, что здесь у нее может появиться подруга, и чувствовала себя заключенной, а тетку воспринимала как своего тюремщика.

Когда она пришла на остановку, там уже было пять детей: одна девочка была гораздо младше Мари-Анж, остальные – старше. Все посмотрели на юную незнакомку, но никто не заговорил. Пока дети ждали автобуса, взошло солнце. Восход напомнил Мари-Анж о тех временах, когда она лежала в высокой траве под деревом в Мармутоне и наблюдала, как на востоке постепенно светлеет и розовеет небо. Подошел автобус. Мари-Анж заняла место, не обменявшись ни с кем ни единым словом.

Час спустя он остановился у длинного низкого кирпичного здания, где уже стояло несколько автобусов и бродили школьники всех возрастов, начиная от детсадовского и кончая старшекласниками. Ферма, откуда приехала Мари-Анж, была не самой отдаленной, некоторые ученики жили за сотню миль от школы.

Не зная, куда идти и к кому обратиться, Мари-Анж с растерянным видом вошла в здание. Здесь ее заметила молодая учительница.

– Ты девочка Коллинз? – спросила она. Мари-Анж замотала головой. Она и представить не могла, что Кэрол запишет ее под своим именем.

– Меня зовут Мари-Анж Хокинс.

В школе ждали Мэри Коллинз.

– Значит, ты не Коллинз? – озадаченно переспросила учительница. В школе ожидали только одну новую ученицу, у всех остальных занятия начались две недели назад. Заметив,

что новенькая говорит с акцентом, учительница догадалась, в чем дело, и отвела девочку к директору. Лысеющий бородач серьезно поздоровался с Мари-Анж и объяснил, в какой класс она пойдет.

– Бедняжка, у нее такой несчастный вид, – заметил он, когда за Мари-Анж закрылась дверь.

Учительница шепотом сообщила ему:

– Все ее родные погибли, и ей пришлось переехать из Франции сюда к двоюродной бабке.

– Как у нее с английским? – участливо спросил директор.

Учительница сказала, что классный руководитель проверит ее знание языка.

Тем временем Мари-Анж, найдя нужную дверь, вошла в класс.

Учитель еще не пришел, и дети всю резвились – скакали, вопили, швыряли друг в друга бумажными шариками. На новенькую никто не обратил внимания, и она тихо села на свободное место рядом с веснушчатый рыжеволосым мальчиком, таким же голубоглазым, как она. Мари-Анж предпочла бы сесть с девочкой, но там свободных мест не было.

– Привет, – сказал мальчик, не глядя ей в глаза. В это время в класс вошла учительница. Новую ученицу она заметила только через час и дала Мари-Анж несколько листочков с вопросами, чтобы оценить ее уровень знания английского языка. Вопросы были несложные, Мари-Анж почти все поняла, но когда она начала писать ответы, стало ясно, что она пишет с ошибками.

– Ты что, не умеешь писать? – удивился мальчик, заглянув в ее листок. – Что это за имя такое – Мэри-Анжее?

Он произнес ее имя неправильно. Мари-Анж посмотрела на него и с достоинством ответила:

– Меня зовут Мари-Анж, я француженка. Мой отец американец. – Сказать «был американцем» у нее язык не поворачивался.

Мальчик был явно заинтересован.

– А я – Билли Паркер. Ты знаешь французский?

– Конечно.

– А меня можешь научить?

Мари-Анж застенчиво улыбнулась:

– Ты хочешь научиться говорить по-французски?

Мальчик тоже улыбнулся и кивнул:

– Конечно. Представляешь, это будет вроде как наш тайный язык, мы сможем разговаривать друг с другом так, чтобы никто вокруг ничего не понимал.

Эта мысль обоим показалась очень заманчивой. На перемене Билли вышел из класса вместе с Мари-Анж. Ему понравились ее кудри и голубые глаза, он вообще решил, что Мари-Анж красавица, но не стал говорить ей об этом. Билли было двенадцать, он был старше других ребят на год. В прошлом году он болел ревматизмом и, хотя к концу учебного года совершенно поправился, пропустил так много занятий, что пришлось остаться на второй год.

Они вышли вместе в школьный двор. Сначала Мари-Анж учила его произносить ее имя, хихикая над его смешным акцентом.

Потом они вместе пошли на ленч. В этот день с Мари-Анж познакомились еще несколько ребят, но только Билли она считала своим другом. После занятий они вместе сели в школьный автобус. Билли жил ближе, примерно на полпути между школой и фермой ее тетки. В автобусе они сидели рядом и разговаривали. Билли сказал, что может когда-нибудь, например в выходные, приехать к ней в гости и они будут вместе делать уроки. Мари-Анж очаровала Билли, он уже мечтал, как она будет учить его по выходным французскому. Мари-Анж эта мысль тоже понравилась, ей было бы приятно иметь друга, с которым можно говорить на родном языке.

На следующий день Мари-Анж рассказала Билли о трагедии, отнявшей у нее родителей и брата. Билли с ужасом слушал ее рассказ о бабушке Кэрол.

– По-моему, она ужасно злая, – сказал он с искренним сочувствием.

У Билли было семь братьев и сестер. Его родители были тоже фермерами, они выращивали кукурузу и держали небольшое стадо коров. Он привык к работе на ферме и обещал иногда приходить помогать Мари-Анж по хозяйству.

Вечером, закончив дела в сарае, Мари-Анж вернулась в дом. Ужин, как всегда, прошел в молчании, Кэрол не расспрашивала внучку о первом дне занятий, и Мари-Анж не стала рассказывать ей о своем новом знакомом.

В субботу днем Мари-Анж увидела на подъездной дороге Билли. Спрыгнув с велосипеда, он улыбнулся и помахал ей рукой. Билли говорил, что приедет позаниматься французским, и Мари-Анж на это надеялась, но не была до конца уверена, что он сдержит обещание. Они оживленно разговаривали, как вдруг прогремел выстрел. Оба подпрыгнули, как испуганные кролики, и инстинктивно обернулись туда, откуда он прозвучал. На крыльце с дробовиком в руках сидела в своей коляске Кэрол Коллинз. Конечно, ни Мари-Анж, ни Билли и в голову не могло прийти, что она целилась в них, и она действительно стреляла в воздух, но вид у нее был весьма грозный.

– Убирайся с моей земли! – крикнула она Билли. Мари-Анж задрожала от страха.

– Тетя Кэрол, Билли – мой друг, мы учимся в одном классе, – поспешно сказала она.

Напрасно Мари-Анж надеялась, что ее объяснение смягчит бабку.

– Ты вторгся в частное владение! – заявила Кэрол, глядя на Билли в упор.

– Я приехал в гости к Мари-Анж, – вежливо ответил мальчик, пытаюсь не показать своего испуга ни Мари-Анж, ни старухе. У Кэрол Коллинз был такой вид, будто она и впрямь готова его убить.

– Тебя никто не приглашал, нам тут не нужны гости. Садись на свой велосипед и убирайся! Слышишь? Чтобы духу твоего здесь не было!

– Да, мэм, – торопясь сесть на велосипед, Билли покосился на Мари-Анж. – Прости, я не знал, что она так разозлится, – прошептал он. – Увидимся в понедельник.

– Извини, что так получилось, – тоже шепотом ответила Мари-Анж.

Билли вскочил на велосипед и изо всех сил поднажал на педали. Проводив его взглядом, Мари-Анж медленно побрела к дому. Если до сих пор она только боялась бабку, то сейчас, впервые с тех пор, как приехала в Айову, по-настоящему ее возненавидела.

– Скажи своим друзьям, чтобы не вздумали сюда являться, – строго сказала Кэрол. – Тебе некогда болтаться на улице со всякой шантрапой, у тебя полно дел на ферме. – Она положила дробовик на колени и посмотрела на племянницу. – Я запрещаю тебе шататься без дела с приятелями, ясно?

– Да, мэм, – тихо ответила Мари-Анж и побрела в сарай, где ее ждали нескончаемые дела.

Однако нападки старухи сделали дружбу двух подростков только крепче. Вечером Билли позвонил Мари-Анж по телефону, Кэрол передала девочке трубку, но что-то недовольно про бурчала. Она не одобряла эту дружбу, но открыто запрещать Мари-Анж разговаривать с приятелем все же не стала.

– Как ты? – спросил Билли.

Всю дорогу до дома он думал о Мари-Анж, волновался, как она там одна с сумасшедшей старухой. В большой семье Билли царила дружелюбная атмосфера, он мог свободно приглашать домой друзей в любое время.

– Со мной все в порядке, – робко ответила Мари-Анж.

– После того как я уехал, она тебе ничего не сделала?

Дождавшись, пока Кэрол выкатится в своей коляске из кухни, девочка прошептала:

– Нет, но она запретила мне приглашать сюда друзей. Увидимся в понедельник. Я могу учить тебя французскому в обеденный перерыв.

– Смотри поосторожнее с ней, как бы она тебя не застрелила, – сказал Билли со всей серьезностью двенадцатилетнего подростка. – До свидания, Мари-Анж.

– До свидания.

Уже повесив трубку, она пожалела, что не поблагодарила Билли за звонок. В той пустой жизни, которую она теперь вела, дружба с Билли стала ее самым дорогим сокровищем, а его звонок – живой связью с внешним миром.

Глава 4

С годами дружба Мари-Анж и Билли переросла в прочную связь, которая помогала жить им обоим. К тому времени, когда Билли исполнилось четырнадцать, а Мари-Анж – тринадцать, они стали близки друг другу, как брат и сестра. Знакомые стали посмеиваться над ними, дразнить женихом и невестой, но Мари-Анж упрямо твердила, что это не так. Билли был ее надеждой и опорой, ведь жизнь Мари-Анж в доме бабки оставалась все такой же унылой и безрадостной. Она каждый день встречалась с другом в школе, потом они вместе возвращались домой на автобусе, и он каждый вечер звонил ей. А еще она ходила в гости на ферму Паркеров, когда ей это удавалось, в основном по выходным, после того как переделает все дела. В семье Билли Мари-Анж словно отогревалась, как в теплом, безопасном убежище. По сравнению с фермой Кэрол дом Билли казался ей раем. Билли и его родные заменили ей семью, кроме них, у нее никого не было. Мари-Анж много раз писала Софи и не понимала, почему за эти два года она ни разу не получила от нее ответа. Девочка подозревала, что с экономкой случилось нечто ужасное, иначе Софи бы ей ответила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.